

Эту книгу я посвящаю
всем девочкам и мальчикам,
которые спрашивали меня,
что приключилось дальше
с Касперлем, Сеппелем, Васте
и Хотцентплотцем.

Однажды чудесным сентябрьским днём бабушка Касперля вышла в сад. В руке она держала корзинку с бельём, собираясь развесить на просушку пару рубашек и несколько полотенец.

Денёк выдался солнечным, цвели астры, у забора выстроились в ряд подсолнухи, а в дальнем углу сада на компостной куче зрели тыквы: пять больших, девять средних и шесть маленьких. Бабушка выращивала их давно позабытым дедовским способом, которому научила её свекровь. Маленькие тыковки должны были получиться на вкус как абрикосы, средние — как шоколад, а большие — как взбитые сливки снаружи и малиновое мороженое внутри.

Касперль и Сеппель не проявляли к тыквам ни малейшего интереса.

«Что ж, — подумала про себя бабушка, — тем больший сюрприз мальчиков ожидает. Только бы тёплая погода продержалась ещё несколько дней — сейчас это самое главное».

Почтенная фрау опустила корзинку на траву и только собралась натянуть бельевую верёвку, как услышала: «Псс». Бабушка обернулась на звук и в зарослях золотарника и орешника увидела мужское лицо. Хорошо знакомое лицо. Этот негодяй в чёрной шляпе с длинным пером уже дважды грабил несчастную старушку, а как-то раз и вовсе похитил её.

«На сей раз этот номер у него не пройдёт», — решила бабушка. Она собрала всё своё мужество и твёрдым голосом, который лишь изредка дрожал и только в конце сорвался фальцетом, спросила:

— Кажется, вы снова решили посетить мой сад, господин Хотценплотц?

— Как видите, фрау, — кивнул головой тот, пытаясь выбраться из кустов.

Похоже, грабитель совсем не заметил, что старушка находится на грани нервного срыва.

Бабушка потянулась к мешку с прищепками для белья.

— Не двигаться! — взвизгнула она. — Не то я так отделаю вас этим мешком, что вы не сможете натянуть свою дурацкую шляпу на свою дурацкую голову. Руки вверх!

Конечно, Хотценплотц не мог догадаться, что в последнее время бабушка взяла за правило читать перед сном разбойничьи истории. То есть в вопросах противодействия бандитам была большим знатоком.

На всякий случай он поднял руки вверх и заверил почтенную фрау, что прибыл в её сад безо всяких злых намерений.

Однако бабушка оказалась не из тех, кому можно заговорить зубы, она прервала бандита на полуслове, рывкнув:

— Меня не интересует этот лепет. Я желаю знать, как бездельники из полиции проморгали ваш побег. Ведь они заверяли меня, что окружная тюрьма абсолютно надёжна.

— Это чистая правда, фрау.

— Тогда каким же образом вы оказались здесь?

— Не далее как сегодня утром меня освободили за примерное поведение. Досрочно.

Бабушка ушам своим не поверила.

— Горазды же вы сочинять, господин Хотценплотц.

Разбойник в подтверждение своих слов приложил три пальца к сердцу.

— Чтоб мне заболеть скарлатиной и свалиться замертво прямо здесь, если я лгу! — поклялся разбойник. — А кроме того, вот моя справка об освобождении, там всё написано. Прочтите сами, если уж не верите мне на слово. — Хотценплотц вынул из кармана жилетки сложенный листок бумаги и протянул старушке.

Та оказалась не так проста, как, вероятно, рассчитывал бандит. Она отступила на пару шагов, судорожно соображая, что же такое предпринять. И тут старушке пришла в голову идея. Главное, чтобы разбойник не раскусил её маленькую хитрость.

— Я ничего не могу прочесть без своего пенсне, — заявила бабушка.

— Что? Да вот же оно, у вас на носу. О-хо-хо-хо, — расхохотался Хотценплотц.

— Которое, это? — почтенная фрау даже бровью не повела. Голос её был совершенно спокоен, она сама подивилась, насколько хорошо умеет притворяться. — Нет-нет, это пенсне годится только чтобы смотреть вдаль, а мне нужно другое — для чтения, — и старушка с озадаченным видом принялась рыться в карманах фартука, разыскивая несуществующее пенсне.

И хотя она была не слишком опытна в искусстве обмана, но отлично справлялась со своей ролью.

— Ох, иметь два пенсне совершеннейшее мучение, доложу я вам. Вечно одно из них куда-то девается в самый неподходящий момент. Скорее всего, я оставила нужное в прачечной, слева за дверью, на полке, рядом с умывальником. Не будете ли вы, господин Хотценплотц, так любезны принести его мне?

— Конечно-конечно. — Хотценплотц сунул обратно в карман справку и направился к прачечной.

Бабушка тихонечко двинулась за ним следом.

Для замысла почтенной фрау этот домик подходил как нельзя лучше — там имелись всего два крошечных зарешеченных окошка матового стекла и одна дверь. Но разбойник-то этого не знал! Едва он переступил порог прачечной, как услышал, что дверь за ним захлопнулась. А следом заскрежетал засов и дважды щёлкнул замок.

Бабушка опустила ключ в карман фартука и удовлетворённо произнесла:

— С остальным и полиция справится.

До этого момента у бедной старушки просто не было времени, чтобы как следует испугаться. Теперь же, когда Хотценплотц был обезврежен, престарелая фрау почувствовала, как её бросает то в жар, то в холод от страха. У неё закружилась голова и подкосились ноги. Из последних сил бабушка крикнула: «Спасите! На помощь!» А потом закрыла глаза и упала без чувств.

В последнее время Касперль и его приятель Сеппель частенько заглядывали в гости к вдове Шлоттербек. Дело в том, что они обещали хозяйке вернуть прежний облик её крокодиловому псу, который до известных событий был обыкновенной длинношёрстной таксой. Вдова всегда радовалась приходу мальчигов и щедро угощала их бутербродами с колбасой и чаем.

Вот и сегодня друзья наслаждались чаем с бутербродами, в то время как хозяйка сидела печально у окна и дымил толстенной чёрной сигарой. Васти лежал у её ног, довольно рычал и вилял хвостом.

Сам пёс, похоже, не чувствовал никаких неудобств в связи со свалившимися на его собачью голову превращениями, и только хозяйка собаки безузвешно страдала от того, что с ним приключилось. Касперль и Сеппель знали историю Васти наизусть, но смиренно слушали рассказ вдовы. Фрау Шлоттербек в надцатый раз поведала им о том, как по ошибке превратила пса в крокодила, а потом не смогла

расколдовать, хотя и испробовала все известные ей средства.

— Последняя попытка привела меня в такое отчаяние, что я с горя сунула книгу заклятий в печь и сожгла её, — подошла к концу своей трагической повести хозяйка. — Я всего лишь простой экстрасенс, хотя и сертифицированный. А такими вещами должна заниматься настоящая ведьма. С дипломом. Если в этих делах ничего не смыслишь, то лучше держаться от них подальше.

— Очень жаль, — вздохнул Касперль. — Лучше бы вы отдали книгу нам с Сеппелем.

— Отдать вам? — переспросила хриплым голосом фрау Шлоттербек и высморкалась в полу своего пеньюара, который не снимала в течение всего дня.

— Да, тогда бы мы точно смогли помочь Васти. Но что сгорело, то сгорело, и теперь вам придётся набраться терпения.

На чердаке у бабушки Касперля хранилось множество мешочков: одни были набиты травами и кореньями, в других почтенная фрау держала сушёные листья и древесную кору. Всё это были надёжные и испытанные средства, которые бабушка использовала при лечении самых разнообразных болезней.

Друзья были уверены: если уж эти снадобья могут избавить от болей в животе и озноба, то с такой чепухой, как колдовство, точно справятся. Пусть даже и не наверняка, но попытаться-то всё равно стоит, вреда ведь от этого никакого не будет.

И мальчики стали испытывать бабушкины зелья на Васти. Уже в течение нескольких недель они скармливали крокопсу целебные снадобья строго в алфавитном порядке, чтобы не запутаться.

Сначала они применили анисовый порошок, потом дали Васти корни арники, затем в ход пошли бадьян, сушёный барбарис, валериана, горечавка и кора дуба. К сегодняшнему дню юные знахари добрались до буквы «М» и напоили пса отваром из сушёных листьев мяты.

В итоге Васти обзавёлся свежим дыханием, но этим лечебный эффект и ограничился.

Всё, чего добились друзья своими экспериментами над собакой, так это то, что их подопечный с позапрошлого четверга напрочь отказался есть мясо. Он стал убеждённым вегетарианцем: пристрастился к салату, не отказывался от помидоров, редиса и лука. А уж за солёные огурцы готов был душу продать. Равно как за копчёные колбаски до превращения.

— Бедный Васти, — горько вздохнула фрау Шлоттербек. — Ко всем несчастьям, ты стал ещё и крокодиллом-вегетарианцем. Я не уверена, что выбранный вами, мальчики, курс лечения не закончится чем-нибудь похлеще. А вдруг пёсик начнёт каркать или мычать, а то и вовсе орать «иа»?

— Нет-нет, — заверил хозяйку Касперль, — наш экспериментальный курс абсолютно безопасен. Он может превратить Васти только в таксу. Если повезёт, — добавил он менее уверенно.

— Да-да, — подключился Сеппель. — Вам нужно всего лишь набраться терпения.

Но у фрау Шлоттербек денёк сегодня выдался не из лучших и к оптимизму не располагал.

Вместо того чтобы утешиться обещаниями гостей, вдова вдруг разрыдалась.

— Это я виновата во всех страданиях моего пёсика. Да-да, я, и только я! — причитала она, заламывая руки и орошая слезами сигару.

Касперль и Сеппель попытались её успокоить, но всё было тщетно: фрау ревела белугой и останавливаться не собиралась.

Друзьям ничего не оставалось, кроме как быстро доесть бутерброды, потом они ласково потрепали Васти по спине, распрощались с хозяйкой и поспешно удалились, оставив рыдающую вдову наедине со своим горем.

